

О ЛЮБВИ

(Из дневника)

1917 г.

Для полной согласованности душ нужна согласованность дыхания, ибо, что — дыхание, как не ритм души?

Итак, чтобы люди друг друга понимали, надо, чтобы они шли или лежали рядом.

Благодородство сердца — органа. Неослабная настороженность. Всегда первое бьет тревогу. Я могла бы сказать: не любовь вызывает во мне сердцебиение, а сердцебиение — любовь.

Сердце: скорее орган, чем орган.

Сердце: лот, лаг, отвес, силомер, реомюр — всё, только не хронометр любви.

«Вы любите двоих, значит, Вы никого не любите!» — Простите, но если я, кроме Н., люблю еще Генриха Гейне, Вы же не скажете, что я того, первого, не люблю. Значит, любить одновременно живого и мертвого — можно. Но представьте себе, что Генрих Гейне ожил и в любую минуту может войти в комнату. Я та же, Генрих Гейне — тот же, вся разница в том, что он *может войти в комнату*.

Итак: любовь к двум лицам, из которых каждое в любую минуту может войти в комнату, — не любовь. Для того, чтобы одновременная моя любовь к двум лицам была любовью, необходимо, чтобы одно из этих лиц родилось на сто лет раньше меня, или вовсе не рождалось (портрет, поэма). — Не всегда выполнимое условие!

И все-таки Изольда, любящая еще ~~кого-нибудь~~, кроме Тристана, ~~немыслима~~, и ~~Клеопатры~~ (Маргариты Готье) — «О, л'Амур! л'Амур! ~~относящийся еще к кому-нибудь~~, кроме ее молодого ~~друга~~, смешон.

Я бы предложила дру... формулу... забываю-
шая о Генрихе Гейне... приходит ее возлюблен-
ный, любя... Генриха Гейне.

«Возлюбленный» — театрально, «любовник» — откровенно,
«друг» — неопределенно. Нелюбовная страна!

Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит — удив-
ляюсь, не любит — удивляюсь, но больше всего удивляюсь,
когда человек ко мне равнодушен.

Старики и старухи.

Бритый стройный старик всегда немножко старинен, всегда
немножко маркиз. И его внимание мне более лестно, больше
меня волнует, чем любовь любого двадцатилетнего. Выражаясь
преувеличенно: здесь чувство, что меня любит целое столетие.
Тут и тоска по его двадцати годам, и радость за свои, и возмож-
ность быть щедрой — и вся невозможность. Есть такая песенка
Беранже:

...Взгляд твой зорек...
Но тебе двенадцать лет,
Мне уж сорок.

Шестнадцать лет и шестьдесят лет совсем не чудовишно,
а главное — совсем не смешно. Во всяком случае, менее смеш-
но, чем большинство так называемых «равных» браков. Воз-
можность настоящего пафоса.

А старуха, влюбленная в юношу, в лучшем случае — трогат-
ельна. Исключение: актрисы. Старая актриса — мумия розы.

— ...И была промеж них такая игра. Он ей поет — ее акку-
рат Марусей звали — «Маруся ты, Маруся, закрой свои глаза»,
а она на постелю ляжет, простынею себя накроет — как есть
покойница.

Он к ней: «Маруся! Ты не умри совсем! Маруся! Ты взаправду
не умри!» — Каждый раз до слез доходил. — На одной фабрике
работали, ей пятнадцать годочков было, ему шестнадцать...
(Рассказ няньки.)

— А у меня муж, милые: бы-ыл!!! Только и человеческого, что
обличие. Ничего не ел, всё пил. Подушку мою пропил, одеяло с
девками прогулял. Всё ему, милые, скушно; и работать скушно,
и со мной чай пить скушно. А собой хорош, как демон: волоса
кучерявые, брови ровные, глаза синие... — Пятый год пропадает!
(Нянька — подругам.)

Первый любовный взгляд — то кратчайшее расстояние меж-
ду двумя точками, та божественная прямая, которой нет второй.

Из пи
«Если
навсегда»
бы, кажет
да Вы уез
и Вы мен

В мои

Перва
ны о его
этой дру
стало яв
спать спо

Все не
ство, нап

Вы не
говорите
это значи

Расска
— Кои

влюблен
стый тако
не остава
только од
вал руки.
звал прек
вать! Сам
Обыкновен
он не игр
(Расск

Из письма:
«Если бы Вы сейчас вошли и сказали: «Я уезжаю надолго, навсегда», — или: «Мне кажется, я Вас больше не люблю», — я бы, кажется, не почувствовала ничего нового: каждый раз, когда Вы уезжаете, каждый час, когда Вас нет — Вас нет навсегда и Вы меня не любите».

В моих чувствах, как в детских, нет степеней.

Первая победа женщины над мужчиной — рассказ мужчины о его любви к другой. А окончательная ее победа — рассказ этой другой о своей любви к нему, о его любви к ней. Тайное стало явным, ваша любовь — моя. И пока этого нет, нельзя спать спокойно.

Все нерассказанное — непрерывно. Так, непокаянное убийство, например, — *длится*. То же о любви.

Вы не хотите, чтобы знали, что вы такого-то любите? Тогда говорите о нем: «я его обожаю!» Впрочем, некоторые знают, что это значит.

Рассказ.

— Когда мне было восемнадцать лет, в меня был безумно влюблен один банкир, еврей. Я была замужем, он женат. Толстый такой, но удивительно трогательный. Мы почти никогда не оставались одни, но когда это случалось, он мне говорил только одно слово: «Живите! Живите!» — И никогда не целовал руки. Однажды он устроил вечер, нарочно для меня, назвал прекрасных танцоров — я тогда страшно любила танцевать! Сам он не мог танцевать, потому что был слишком толст. Обыкновенно он на таких вечерах играл в карты. В этот вечер он не играл.

(Рассказчице тридцать шесть лет, пленительна.)

— «Только живите!» Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб...

Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба ложится длань.

И на уста мои чьи-то уста ложатся.
Так молодую Бурю слушает — Бог.

(Nachhall, отзвук.)

Гостиная — поле, вчерашняя смолянка — Буря, толстый банкир — Бог. Что уцелело? Да вот то одно слово, которое банкир говорил институтке и Бог в первый день — всему: «Живите!»
«Будь» единственное слово любви, человеческой и божеской. Остальное: гостиная, поле, банкир, институтка — частности. Что же уцелело? — Всё.

Лучше потерять человека *всем собой*, чем удержать его какой-то своей сотой.

Полководец после победы, поэт после поэмы — куда? — к женщине. Страсть — последняя возможность человеку высказаться, как небо — единственная возможность *быть* — буре.

Человек — буря, страсть — небо, ее растворяющее.

О, поэты, поэты! Единственные настоящие любовники женщин!

Желание вглубь: вглубь ночи, вглубь любви. Любовь: провал во времени.

«Во имя свое» любовь через жизнь, «во имя твое» — через смерть.

«Старуха... Что я буду делать со старухой??!» — Восхитительная — в своей откровенности — формула мужского.

«Зачем старухи одеваются? Это бессмысленно! Я бы заказал им всем одинаковый... «юниформ», а так как они все богаты, я бы создал кассу, из которой бы одевал — и очень хорошо одевал бы! — всех молодых и красивых».

— Не мешай мне писать о тебе стихи!

— Помешай мне писать стихи о себе!

В промежутке — вся любовная гамма поэта.

Третье лицо — всегда отвод. В начале любви — от богатства, в конце любви — от нищеты.

История некоторых встреч. Эквилибристика чувств.

Рассказ юнкера: ...«объясняюсь ей в любви, конечно, напеваю...»

Любовность и материнство почти исключают друг друга. Настоящее материнство — мужественно.

Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы — и сколько нематеринских — на детские!

Страстная материнская любовь — не по адресу.

Там, где я должен был его, он всегда не мой. Я точно знаю: Б — мои блаженны

Разговор:
Я, о романе, к сыне я люблю отца, я непременно это Он, спокойно: это сделаете».

О Песни Песней
Песнь Песней: смешно.

Песнь Песней
Песнь Песней: единственной жен

Лучшее в Песн

«А
Зал

«Я бы никогда не казалась, что у ме

Вдова, выходящая вращающей меня своей книге, очевидно моя формула:

«Le mariage est — Вздохнула!

Раньше все, что оно всё то же.

Жен много, любовь (любовного), нас жен и не любовники Как музыкант ше любви!

(NB! «Любовь ширное «amant». ный смысл. Люб

¹ «Любовная дру

² Второй брак —

Там, где я должна думать (из-за других) о поступке, сочинять его, он всегда нецелен — начат и не кончен — не объяснит не мой. Я точно запомнила А и не помню Б — и сразу, вместо Б — мои блаженные иероглифы!

Разговор:

Я, о романе, который хотела бы написать: «Понимаете, в сыне я люблю отца, в отце — сына... Если Бог пошлет мне веку, я непременно это напишу!»

Он, спокойно: «Если Бог пошлет вам веку, вы непременно это сделаете».

О Песни Песней:

Песнь Песней действует, на меня, как слон: и страшно и смешно.

Песнь Песней написана в стране, где виноград — с булыжником. Песнь Песней: флора и фауна всех пяти частей света в единственной женщине. (Неоткрытую Америку — включая.)

Лучшее в Песни Песней — это стих Ахматовой

«А Библии красный кленовый лист
Залезен на Песни Песней».

«Я бы никогда не мог любить танцовщицы, мне бы всегда казалось, что у меня в руках барахтается птица».

Вдова, выходящая замуж. Долго искала формулу для этой отвращающей меня узаконенности. И вдруг — в одной французской книге, очевидно, женской (Гюгера «Amitié amoureuse») — моя формула:

«Le remariage est un adultère posthume»².

— Вздохнула!

Раньше все, что я любила, называлось — я, теперь — вы. Но оно всё то же.

Жен много, любовниц мало. Насыщая жена от недостатка (любовного), настоящая любовница — от избытка. Люблю не жен и не любовниц — «amoureuses».

Как музыкант — меньше музыки! И как любовник — меньше любви!

(NB! «Любовник» и здесь и впредь как средневековое обширное «l'amant». Минуй просторечие, возвращаю ему первичный смысл. Любовник: тот, кто любит, тот, черта кого явлена

«Любовная дружба» (фр.).

² Второй брак — это посмертный адюльтер (фр.).